Текст · 10 января 2021, 09:27
Саша Сулим,

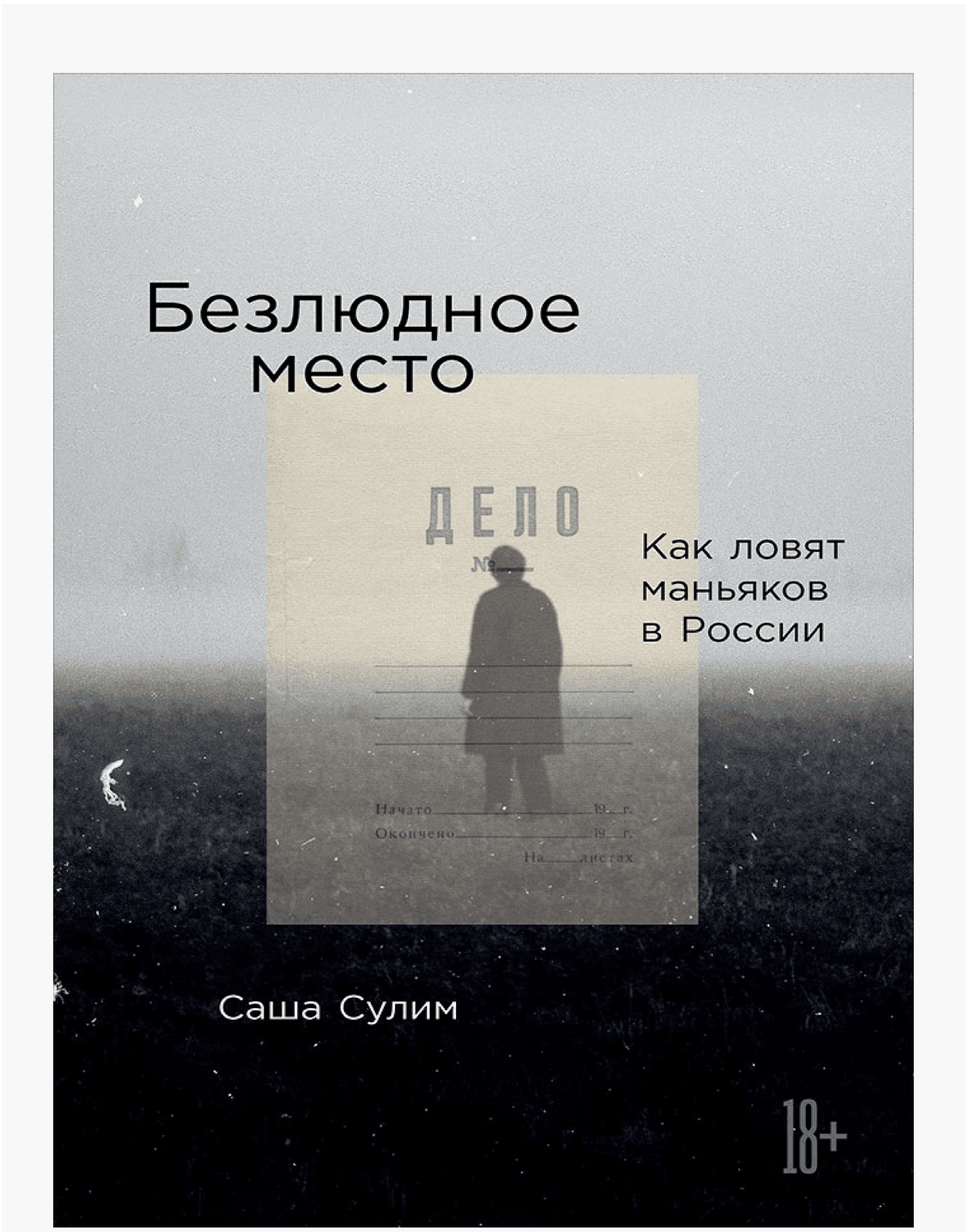
«Бабы сами виноваты, не надо было ночами ходить по городу». Отрывок из книги Саши Сулим о том, как ловят маньяков в России

В издательстве «Альпина Паблишер» вышла книга журналистки Саши Сулим «Безлюдное место», в которой она на примере ангарского маньяка — милиционера Михаила Попкова, много лет безнаказанно убивавшего женщин — рассказывает о том, как в России расследуют дела о серийный убийствах. «Медиазона» публикует отрывок, в котором повествуется о странной перемене в настроениях главы следственной группы и о том, как маньяк с удовольствием рассказывал о совершенных убийствах.

В июле 2012-го — через месяц после задержания Попкова — глава «маньячной группы» следователь Василий Доморадов сильно изменился. «Изначально мы договорились с ним, что дадим Попкову чистый лист бумаги, на котором он будет отмечать места своих преступлений, а мы будем их проверять и доказывать его вину», — рассказывает [оперативник] Артем Дубынин. Смысл этой затеи был в том, чтобы преступник, который до конца не знает, что известно следствию, мог случайно проговориться о новых убийствах.

Вместо этого Доморадов зачем-то показал обвиняемому карту с нанесенными на нее точками обнаружения трупов. «После нескольких таких допросов Попков сознался в 11 эпизодах и наотрез

отказался от убийств, в которых признался ранее, — утверждает Дубынин. — Постепенно все стало сводиться к тому, что на Попкове осталось всего три преступления — и те с вышедшими сроками давности. Если бы все и дальше так шло, он получил бы всего 20 лет». Параллельно с подачи следователя маньяк стал обжаловать то, как были изъяты и как хранились вещественные доказательства, в частности образцы спермы с тел жертв, — намекая, что генетический материал мог попасть в дело гораздо позже, чем было совершено преступление.

В тот же период, по словам оперативников, Попков в письмах стал подбадривать жену: писал ей, что жизнь у него «как игра в шахматы», и обещал, что обязательно выиграет эту партию.

Дубынин считает, что все это Попкову подсказывал следователь, а не адвокат. Защищать Попкова его семья поначалу наняла Галину Овчинникову — одного из самых известных ангарских адвокатов. Оплачивать ее услуги собирались, продав семейный гараж, но покупатели никак не находились, и в итоге Овчинникова от клиента отказалась, передав Попкова своей помощницей Елене Масловой. Та вошла в процесс как адвокат по назначению, то есть ее услуги оплачивало государство. По словам Дубынина, ни Овчинникова, ни Маслова никакой видимой помощи Попкову не оказывали ни во время следственных действий, ни во время суда.

«[Это Доморадов] научил Попкова, что нужно говорить, чтобы объяснить, откуда на вещдоках взялась его сперма, советовал ставить под сомнения условия их хранения и транспортировки, — утверждает Артем. — С одной стороны, бред, с другой, в суде это могло сработать».

Не меньше оперативных сотрудников настораживало, как Доморадов общается с женой и дочерью обвиняемого — с какого-то момента близкие убийцы стали едва ли не ежедневно приезжать на следственные действия и практически беспрепятственно с ним общаться. В присутствии конвоя Елена Попкова могла позволить себе залезть

на стол следователя и перешучиваться с ним. Артем Дубынин начал подозревать, что отношения Доморадова и Попковой — более чем дружеские.

Спустя еще какое-то время сотрудники группы заметили, что Доморадов перестал просить подвезти его до гостиницы, в которой его поселили в Ангарске. Тот объяснил, что ночует в отделе, чтобы сэкономить командировочные. Однако, когда Дубынин позвонил на пульт охраны (здание каждую ночь сдавали на сигнализацию), там ему сказали, что в последнее время ночью ее никто не отключал. «Зато каждое утро он разыгрывал передо мной спектакль. Я приезжал на работу раньше всех, а Доморадов ходил чистил зубы, брился, принимал душ, — вспоминает оперуполномоченный. — А потом я услышал, как Попкова вскользь сказала Доморадову: "Я на ужин курицу приготовлю"».

Однажды вечером Артем Дубынин и Виктор Маслаков проезжали мимо дома Попковых и увидели в окнах свет, хотя Елена, которая после ареста мужа жила одна (у дочери Попковых Екатерины была отдельная квартира), должна была быть в это время на работе — выходить в ночную смену транспортным диспетчером. Дубынин решил проверить, все ли у Попковой в порядке: «Я же не знал, может, у нее какие-то проблемы, может, в этот момент, ей кто-то ножом угрожал?» Он позвонил женщине — и та сказала, что находится на службе. «А кто тогда у вас в квартире?» — спросил Дубынин. В ответ Попкова, по словам оперативника, стала агрессивно разговаривать и попросила больше ей не звонить.

Тем не менее Дубынин решил выяснить, что происходит. Соседка Попковой сказала оперативникам, что несколько часов назад в квартиру зашел какой-то мужчина. Тогда Артем позвонил в дверь — ему никто не открыл, но свет тут же выключили. После этого оперативник позвонил Доморадову, «чтобы доложить ситуацию», но телефон следователя был выключен. В итоге Дубынин попросил приехать и открыть дверь своим ключом дочь Попкова Екатерину. Замок, однако, не поддался. Екатерина позвонила матери, напряженно поговорила с ней, пообщалась с соседкой — и уехала. Дубынин продолжал ждать под дверью — он не хотел уезжать, пока не поймет, что происходит.

До руководителя следственной группы Дубынин дозвонился только глубокой ночью и сообщил ему, что находится у двери квартиры Попковых.

— Я знаю, — ответил тот. — Это я внутри, — и открыл дверь.

Дубынин спросил, что следователь делает в квартире жены обвиняемого. Тот ответил, что «пришел постирать вещи», потому что ему якобы негде жить. «Ну, мне эти сказки рассказывать было незачем, — говорит Дубынин. — Я понял, что он уже продолжительное время встречается с женой Попкова».

Наутро Доморадов обвинил Дубынина в слежке, а сам поехал в СИЗО и долго о чем-то разговаривал с Попковым без адвоката и оперативных сотрудников. Сам же Дубынин написал рапорт, в котором подробно описал случившееся в доме Попкова. После

этого из новосибирского Следственного комитета в Ангарск приехала проверка, в ходе которой со всех участников «маньячной группы» взяли объяснения. Артем предоставил им видео из квартиры Попкова и аудиозапись разговора, который состоялся у него с Доморадовым — их Дубынин сделал «для подстраховки» (мне он их так и не показал, хотя несколько раз обещал это сделать).

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

<...>

Дубынин до сих пор удивляется действиям бывшего руководителя. «У Доморадова были все шансы стать генералом. Для чего он стал все это гробить? — недоумевает он. — До сих пор не могу понять его. Денег от Попковых он не получал — скорее, наоборот, сам же им помогал оплачивать адвоката. Видать, влюбился в Елену Павловну Попкову. Но ведь это жена обвиняемого, она находится по другую сторону баррикад — а ты следователь, полковник. Какая бы хорошая она ни была, ты не имеешь права никаких близких отношений с ней иметь». Логику действий Доморадова, который одновременно находился в отношениях с Попковой и пытался помочь ее мужу выйти из тюрьмы, никто из моих собеседников объяснить не может.

Эта история сказалась и на карьере самого Артема — он и так раздражал начальство, а после отставки Доморадова над ним стали откровенно

«издеваться». По сроку выслуги он уже давно должен был стать из капитана майором, но для этого ему нужно было получить повышение до старшего оперуполномоченного. Давать ему должность никто не спешил, несмотря на то что никакого специального престижа в ней не было: ни привилегий, ни значительной прибавки к зарплате. «Они как сделали? Попросили меня написать рапорт на повышение по службе, а когда я им его принес, сказали, что на это место уже взяли кого-то другого», — вспоминает Артем. Потом история повторилась. В третий раз рапорт Дубынин писать не стал — но в итоге его все-таки повысили, воспользовавшись прошлым заявлением. Случилось это в 2015 году — капитаном Артем к тому моменту прослужил восемь лет, в два с половиной раза дольше, чем это обычно бывает.

Уйдя из органов, Доморадов вернулся в родной Новосибирск. Вскоре туда переехали и жена и дочь Попкова — по словам Дубынина, бывший следователь не только их юридически консультировал, но и одолжил денег на покупку жилья.

Сам Василий Доморадов называет историю о его романе с Еленой Попковой вымышленной. По его словам, их отношения носили «другой» характер — какой именно, он в разговоре со мной уточнить отказался. Как и объяснить, что он делал в квартире Попковой, когда его там застал Дубынин. С женой маньяка они по-прежнему общаются — по словам Доморадова, семьями: «Они [Елена и Екатерина Попкова] и с моей женой хорошо знакомы».

Свою внезапную отставку в 2012 году Доморадов объясняет тем, что его жена родила ребенка и он не хотел ездить по командировкам, а хотел быть с семьей. При этом в 2017 году в интервью «Комсомольской правде» он говорил, что ушел в отставку из-за «неожиданного конфликта со следственной группой», — и сейчас тоже рассказывает, что его коллеги писали на него анонимки, а также воровали информацию с компьютера, чтобы передавать Валерию Костареву.

После того как Доморадова отстранили от дела, Попков заявил при сокамерниках, что при первом удобном случае воткнет Артему Дубынину карандаш в глаз. С этого момента Попкову стали сковывать руки сзади, а Дубынин общался с ним на расстоянии.

В 2013 году «маньячную группу» возглавил еще один следователь из Новосибирска — Иван Антонов. Чтобы заниматься Попковым, он на год переехал с семьей в Ангарск. Работа началась с установки психологического контакта с обвиняемым — по словам Антонова, разговаривали они чуть ли не ежедневно, но на контакт убийца пошел только тогда, когда понял, что Доморадов к расследованию не вернется. «Это действительно жестокий человек, — рассказывает Антонов о Попкове. — Гомицидоман. Он как наркоман вел себя: хрустел костями на руках, смотрел то налево, то направо, сутулился, пожимал плечами — как змея. Он и сам мне рассказывал, что когда он убьет, то у него и настроение сразу хорошее, самочувствие нормальное».

Самому Попкову новый следователь показался более напористым. Вскоре он начал расспрашивать

сокамерников о том, как отбывают пожизненные сроки и как устроены тюрьмы, где это происходит.

Поздним вечером в конце января Попкова нашли без сознания — как потом выяснилось, он упал в обморок, когда мастурбировал «на параше». По словам Дубынина, маньяк в тюрьме вообще «очень часто занимался онанизмом». В тот раз сокамерники сообщили Попкову: «Дрочить не в падлу, в падлу спалиться». После этого он стал аккуратнее, и больше такие инциденты не повторялись.

В марте 2013 года выезды на следственные действия возобновились, Антонов допрашивал Попкова только по «старым» эпизодам, и тот на какое-то время успокоился и перестал нервничать. Пока следователь не припер его к стенке: дал понять, что сможет доказать его причастность к другим убийствам, по которым Попков еще не давал показания.

После истории с Доморадовым Антонову фактически пришлось провести ревизию всех материалов следствия — доказанными к тому моменту могли считаться только те же три убийства, которые Попкову предъявили изначально на основании найденного на месте преступления генетического материала. Те убийства, по которым маньяк написал явку с повинной, не могли быть предъявлены ему в суде, пока признания были единственными доказательствами вины (к тому же на словах Попков то и дело обещал от этих признаний отказаться). Сотрудники «маньячной группы» заново изучили все вещдоки по убийствам, которые могли быть совершены маньяком, и отправили сотни предметов на генетические экспертизы. На двух из них,

относящихся к разным преступлениям, нашли ДНК Михаила Попкова.

В одном случае женщину изначально даже не включали в список жертв ангарского маньяка — ее ноги были обмотаны колючей проволокой, а убийца никогда не возился с телами жертв и ничем их не обвязывал. Когда оперативники изучили материалы более пристально, Антонов понял, что никто специально ноги женщины ничем не обматывал — проволока просто зацепилась за тело, пока его оттаскивали от дороги. На проволоке нашлось ДНК не только жертвы, но и Михаила Попкова.

В другом деле все решила фотография места преступления — Антонов обратил внимание, что на сугробе, рядом с которым было найдено тело жертвы, отпечатался след от бампера, колес и глушителя редкой двойной формы. Следователь знал, что в конце 1990-х Попков ездил на довольно редкой в то время машине «Субару». Чтобы отыскать такую же, оперативникам пришлось поехать в Читу, но поездка себя оправдала: экспертиза подтвердила, что следы оставил именно автомобиль этой марки.

Тогда же выяснилось, что жертвами убийцы все-таки становились не только женщины. Поздно вечером в конце апреля 1999 года Попков подобрал в городе троих сильно выпивших мужчин, среди которых был оперуполномоченный милиции Ангарска Евгений Шкурихин. Шкурихин попросил отвезти его к любовнице — и начал рассказывать, как спит с чужими женами (жена самого милиционера в тот момент лежала в больнице). Водителю это надоело, и он попросил заплатить ему и выйти из машины, но

Шкурихин отказался. «Он начал махать служебным удостоверением, говорил: "Я тебе платить ничего не буду, вези меня домой", — рассказывает Артем Дубынин. — Вместо этого Попков вывез его на трассу, вытащил из машины и задушил».

Поняв, что следователи снова взялись за дело серьезно, Попков решил писать явки с повинной по новым эпизодам сам, чтобы они были засчитаны как смягчающие обстоятельства. 25 апреля он признался еще в семи убийствах, заранее предупредив следователей, что уже написал по этим эпизодам явки с повинной и нарисовал схемы мест расположения трупов, хотя и тут он то и дело постоянно пытался запутать следствие. Однажды маньяка привезли на проверку показаний по убийству, для которого он уже нарисовал схему, — и вместо того чтобы повернуть направо, как в рисунке, он повернул налево. «В итоге выяснилось, что там он тоже совершил убийство, а от первоначального маршрута решил уклониться в последний момент, когда увидел, что туда трудно проехать, — не хотел проторчать там полдня», — вспоминает Антонов. На вопросы следователей Попков отреагировал так: «А вам какая разница: слева или справа? Труп и труп — все равно же я убил».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

<...>

Явки с повинной Попкова оформлял оперативный сотрудник Максим Степуненко. Когда он спросил

у Попкова, зачем ему понадобилось признаваться в новых преступлениях, тот ответил: «Похоже, мне уже ждать нечего — посадят на полную, зачем мне теперь что-то скрывать». Когда оперативник уточнил у обвиняемого, во всех ли убийствах он уже признался, Михаил, улыбнувшись, ответил: «Когда придет время, расскажу еще».

В апреле 2013 года Попкова перевели в другую камеру. Одним из новых соседей ангарского маньяка стал бывший сотрудник военной пожарной части Евгений Гончарук, которого обвиняли в мошенничестве. Как и Романов, он тоже занимался перегоном машин, и с Попковым они часто обсуждали авторынки Дальнего Востока, запчасти и тюнинг.

Маньяк показался Гончаруку спокойным и общительным человеком. Он любил рассказывать истории из жизни (например, о том, как перегонял автомобили), обсуждал с сокамерниками фильмы и книги, говорил о родных. «По нему никогда не скажешь, что он совершил столько убийств, — говорил потом Гончарук. — Хотя иногда он замыкался в себе, был неразговорчив. Иногда мне казалось, что Попков живет в каком-то нереальном мире — себе на уме».

«О совершенных убийствах Попков рассказывал спокойно, без всякого сожаления или раскаяния, — вспоминал Гончарук. — Говорил, что бабы сами виноваты в случившемся, что им не надо было ночами ходить по городу пьяными и искать приключения на "заднее место". Что нормальная женщина должна всегда быть дома с семьей, а не гулять с другими». Другой сокамерник маньяка тоже говорил, что тот

рассказывал об убийствах без всякого сочувствия — и даже с упоением, смакуя подробности.

При этом у Попкова до последнего была надежда на то, что благодаря истечению сроков давности по его преступлениям и написанным явкам с повинной он сможет в какой-то момент выйти на свободу и понянчить внуков. Мыслями об этом он делился и с сокамерниками, и с оперативниками. «Он надеялся получить 19 лет и выйти по УДО, — рассказывает Романов. — Но я сразу ему сказал, что он в любом случае получит пожизненное, а потом сам начнет рассказывать, только чтобы остаться в СИЗО — дышать там свежим воздухом иногда».

Когда стало понятно, что надеяться не на что, у Попкова возникли мысли о самоубийстве. По словам Романова, в какой-то момент маньяк попросил принести ему «какую-нибудь таблеточку, от которой утром можно не проснуться». «Я сказал ему: "Нет, Миша, ты с этим жить должен", — вспоминает оперативник. — Он себя очень любит, считает себя с семью пядями во лбу — до копейки мне пенсию рассчитал в уме. Но повеситься или вскрыться — не его тема. Не дай бог больно себе сделает. А вот таблеточку он мог бы проглотить».

При этом *Life* писал о том, что Попков пытался повеситься в камере — после этого его даже поставили на учет как склонного к суициду. Тем не менее не только Романов, но и другие оперативники считают, что на самоубийство маньяк бы никогда не пошел. «По сравнению с ним мы с вами даже халатно относимся к своей жизни, — объясняет один из следователей. — Он за собой ухаживает, бережет себя,

зарядочку делает, следит за здоровьем, лишний раз не провоцирует никого, чтобы не быть втянутым в конфликты, в которых он может пострадать или получить какое-то заболевание. Жить-то ему очень хочется».

Сам Попков о самоубийстве (как и о многом другом) рассуждает уклончиво — мол, он, может, и был бы рад покончить с собой, но технической возможности нет, а значит, и думать об этом незачем. «Я круглосуточно нахожусь под камерой, каждые 15 минут в глазок заглядывает охранник. Когда я в туалете, он мне в дверь стучит. А неудавшаяся попытка может ухудшить мне условия содержания: не хочу оказаться в камере с мягкими стенами, — объяснял мне убийца Попков. И, немного подумав, добавил: — Так еще скажу: это можно всегда успеть сделать. Пока мне неплохо живется, сегодня у меня есть книжка, сигареты, кофе. Когда уже совсем тяжело будет, писем из дома нет, журналисты не приезжают, никакого разнообразия — тогда и сделаю. Я сам себе хозяин».

В какой-то момент Антонов и его коллеги собрали столько материалов и доказательств, что было понятно: пожизненного заключения Попкову не избежать, дело можно передавать в суд. Сам Антонов считал, что после суда в остальных преступлениях маньяк будет признаваться даже более охотно — поскольку надеяться ему будет уже не на что, а на время следствия его будут из колонии перевозить в СИЗО. Так или иначе, самому Попкову обо всех этих рассуждениях решили не сообщать. Он продолжал писать явки с повинной — в какой-то момент их количество превысило четыре десятка.

Тем временем в мае 2014 года следователь Антонов направил первое дело против Попкова в суд: бывшего милиционера обвинили в 22 убийствах и еще двух покушениях на убийство. <…> 14 января 2015 года Иркутский областной суд приговорил Попкова к пожизненному заключению. После этого показания о новых убийствах он начал давать еще более охотно — чем дольше продолжались следственные действия, тем дольше убийцу не этапировали в колонию.

<…>

10 декабря 2018 года суд признал доказанными еще 57 убийств и повторно приговорил Михаила Попкова к пожизненному заключению — едва ли не впервые в истории российского правосудия. Тогда же его лишили звания младший лейтенант милиции и пенсии. У 18 из этих 57 жертв нет даже имен — следствию не удалось установить, кому принадлежали останки, обнаруженные на месте убийства.

Через полгода после приговора маньяка этапировали в колонию в Мордовии. Около года он провел в двухместной камере: по вечерам читал, а днем работал за швейной машинкой. Сначала пришивал карманы к спецодежде, а во время пандемии коронавируса начал шить маски.

«Иногда я начинаю себя накручивать, что я теперь никогда не выйду отсюда, — признает Попков. — С другой стороны, зачем мне себя накручивать, если есть возможность отключить образы и мысли? Себя ведь можно приучить к определенному распорядку, к определенным мыслям, определенному алгоритму. Себя можно контролировать, собой можно руководить. Я стараюсь не думать».

В июле 2020 года Михаил Попков признался в еще двух убийствах, которые совершил в Ангарске в 1995 и 1998 годах. Из Торбеевского централа в Мордовии его этапировали в Иркутск, где предъявили обвинение. Расследованием убийств занимается Евгений Карчевский.

Перед тем как Попкова этапировали в Мордовию, Карчевский спросил у него, о скольких преступлениях убийца еще не рассказал.

— Терпение, мой друг, — ответил Попков и улыбнулся.

О встрече с Михаилом Попковым, о том, как он много лет совершал убийства и как следователи все-таки смогли вычислить и ангарского маньяка и других серийных убийц, можно прочесть в книге Саши Сулим «Безлюдное место», вышедшей в издательстве «Альпина Паблишер».